Процесс антисоветского троцкистского центра

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ—ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

политике, которую собирался вести Троцкий.

В «высоком стиле» говорил и Радек—один из тех «реальных политиков», которые реальные изменяли родине, обещали врагам реальные и территориальные уступки.

Нетрудно убедиться, что весь этот высокий стиль был в сущности говоря прикрытием слова по некоторой старой памяти. Нетрудно убедиться, что это—вовсе не политическая партия, что это—просто банда уголовных преступников, ничем или, в лучшем для них случае, немногим отличающихся от бандитов, которые оперируют кастетом и финкой в темную ночь на большой дороге.

Корни этой группы—не в народных массах нашей страны, которых эта банда боится, от которых она бежит, как чорт от ладана. От народных масс эта банда прячет свое лицо, прячет свои звериные клыки, свои хищные зубы. Корни этой вонючки, этой банды надо искать в тайниках иностранных разведок, купивших этих людей, взявших их на свое содержание, отличавших их за верную холопскую службу.

Пятаков убеждает своих подручных в необходимости организации взрывов и диверсий по преимуществу с человеческими жертвами. Дробилис доказывает, что чем больше жертв, тем лучше для троцкистов. Шестов организует убийства. Лившиц, Князев, Турок организуют крушения поездов. А Радек занимается «внешней политикой», смысл которой состоит в том, чтобы так же, как Лившиц и Каменев пытались под откос поезд, пустить под откос дело социализма, открыть ворота иноземному врагу, врагу-агрессору. Возьмите отдельные группы: они перепутались с иностранными разведчиками, поступающими их обещаниями подкармливали, а то и просто на наличный расчет.

Они взрывают шахты, сжигают цехи, разбивают поезда, калечат, убивают сотни лучших людей, сынов нашей родины. 800 рабочих Горловского химико-тукового завода через газету «Правда» сообщили имена погибших от предательской руки диверсантов лучших стахановцев этого завода. Вот список этих жертв: Лунев—стахановец, рождения 1902 г., Юдин—талантливый инженер, рождения 1913 г., Куркин—комсомолец, стахановец, 23 лет отроду, Стрельникова—ударница, 1913 г. рождения, Москвец — ударник, тоже 1913 года рождения. Это—убитые. Ранено было больше десяти человек. Погиб Максименко—стахановец, Новикин, один из лучших ударников, который отличался в забое на шахте «Центральная», перевыполнил своими 10 годами отпуска, а так его подстерегли и убили, убит запальник Юрьев—один из участников боев с белогвардейцами. Убит Лаши—участник гражданской войны, старый горняк. И так далее и так далее.

Товарищи судьи! Их убийцы сидят вот здесь, перед вами!..

Шестов организует отравление белых. Шестов организует бандитское убийство инженера Бояринова, который показался ему способным разоблачить их преступную деятельность.

Арнольд—международный бродяга, побывавший, кажется, во всех странах мира и везде оставлявший следы своих мошеннических проделок. В Минске он подделывает документ, в Америке оказывается сержантом американской армии и попадает в тюрьму, по его собственному признанию, по подозрению в растрате казенного имущества. Я думаю, что если этот человек когда-нибудь пробрался до казенного имущества, то этому казенному имуществу не сподобрать (смех). Это—человек, который через масонов пытался пробраться в «высшие слои общества» в Америке, а через троцкистов—к власти, по которой тайно и незаконно вздыхал, под умелым руководством такого воспитателя, каким явился виссельиих Шестов...

Этим «политическим» деятелям ничего не стоило разбросить рельсы, пустить поезд на поезд. Ничего им стоило загазовать шахту и спустить в шахту десятов или несколько десятков рабочих. Ничего не стоило из-за угла убить инженера, честно работающего. Поджечь завод. Взорвать с динамитной шашкой зашедших туда детей.

Хорошо, нечего сказать, политическая партия! Если бы это была партия, то она не прятала бы от масс своей программы. Политические партии не прячут своей программы, своих политических взглядов. Большевики никогда не прятались от масс и никогда не прятали свою программу.

На заре русской революции Ленин писал о том громадном значении, которое революционная социал-демократия придает открытой пропаганде ее идей, открытому заявлению ее целей, открытой массовой агитации за свои программные, тактические и организационные взгляды и принципы. Партия Ленина—Сталина выросла, окрепла и превратилась в громадную и могущественную силу, как партия, опирающаяся на массы, партия, органически связанная с массами. В этом признак настоящей политической партии. А это «партия», как они себя называют, боятся и боятся сказать о себе народу правду, боятся сказать о своих программах.

Почему? Потому что на взгляды, их программа ненавистна нашему народу, как ненавистна капиталистическая кабала, как ненавистен капиталистический гнет, который эти господа хотят вернуть, накинуть на шею нашему народу, потому что они превратились в оторвавшуюся от народа группу отщепенцев, банду преступников во главе с атаманом Троцким, с податаманами Пятаковым и Радеком и другими бандитскими «батьками». Это не растение советской страны. Это растение иностранного происхождения, и на советской земле не росли ему, не просли ему...

Странно слышать, когда эти господа говорят здесь о каком-то соглашении этой «партии», о подкупе банды преступников с японскими и германскими фашистскими силами. Как можно серьезно об этом говорить, когда этот самый «параллельный» центр—просто несчастная кошка до грязненько с волком.

Соглашение! Сказали бы просто: «сдались на милость победителя».

Это соглашение мне напоминает басню Крылова «Лев на ловле». В басне говорится, как собака, лев, да волк с лисой между собой заключили соглашение—«положили завет—сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начали делить, тут олень на «договаривающихся сторон» говорит: «Вот это честь мне по заговору, вот это мне, как льву, принадлежит без спору, вот это мне за то, что всех сильнее я, а к этому из вас лишь лишь кто прикоснется, тот с места живо не встанет». (Смех).

Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, господа подсудимые, господа офицеры германского и японского фашизма! Вот почему я утверждаю, что здесь нет никакой политической партии,—есть банда преступников, есть морально ничтожные, в моральном отношении растленные люди, потерявшие и совесть и разум.

Морально ничтожные, морально растленные

Почему среди троцкистов иностранные разведки находят своих агентов? Потому что троцкисты всем прошлым своим и настоящим показали неодолимую враждебность к советам, готовность служить капитализму не за страх, а за последние остатки своей совести,—показали свою способность действовать самыми мерзкими и подлыми средствами борьбы, не останавливались ни перед чем.

Разве не в крайнем пределе морального разложения говорят статьи Пятакова и Радека, посвященные их сообщникам, Зиновьеву и Каменеву, гнусейшим изменникам, матерым бандитам, убившим незабвенного Сергея Мироновича Кирова! Не являются ли верхом цинизма и издевательства над последними остатками человеческой совести, над последними понятиями морали статьи, в которых Радек и Пятаков с притворным видом возмущенных праведников требовали расстрела своих собственных сообщников, единомышленников и сообщников?!

Вот Радек в третьем номере «Бюллетеня» за 1935 г. разоблачает—что бы вы думали? Двурушничество Зиновьева и всей клики зиновьевской фракции, как он выражается.

Позвольте привести свидетельство Радека по вопросу о том, что такое двурушничество... Радека. Он пишет:

«Скатившись к контрреволюции, бывшие вожаки зиновьевско-троцкистского блока применяли этот метод разоблачения изменников, внедрявшихся в руководителей, двурушничество, которое оказалось высокопочтенным средством, позволяющим обстрелять пролетарский штаб».

Мы знаем, что когда Радек писал эту статью, он был уже осведомлен за много времени о подготовившемся английском убийстве Сергея Мироновича Кирова. Мы знаем, что он, Радек, был в заговоре и в сговоре с Зиновьевым и Каменевым, убившими товарища Кирова, обреченного на смерть этим самым Радеком и сидящими с ним рядом его друзьями.

И вот, заметая следы своего соучастия в этом гнусном злодействе, Радек повествует о разоблаченных двурушниках, отданных в руки закона,—«ожидающего, как обращаться с теми, кто пытается колебать устои пролетарской революции».

Да, подсудимый Радек, вы правы! Советский закон знает, как обращаться с двурушниками и изменниками, подобными вам и вашим друзьям.

Дальше он пишет: «Смирнов и Мрачковский... были так низко, что нельзя без отвращения вспоминать их имена». Писал так Радек или не писал? Писал. Увы, писал! Радек был тогда на откровенность, он делал вид, что раскаивается, говорит искренне. Он возмущался, бранился, проклинал, клялся, уверял, раскаивался от чистого сердца? Нет, он врал... Он делал вид, что говорит от чистого сердца. Он прикидывался только, что говорит правду, прикидывал своих друзей, чтобы отвести глаза от самого себя, чтобы, как он выражался здесь на своем блатном жаргоне, «не засыпаться». И все-таки он «засыпался». Он прибег к приему закоренелых преступников. «Держи вора!»—кричал он, чтобы самому уйти из рук правосудия. Это типичный прием тех, которые говорят языком—«засыпаться» и «кружить». Он пробовал укусить, укусить от ответственности. Он, этот Радек, пробирался по трупам своих друзей и сообщников, пытался выбраться из той зловонной, кровавой-кровавой ямы, в которой он тогда уже сидел по уши. Он с искусственной и лживой, нарочитой аффектацией восклицал:

«Пролетарский суд вынесет банде кровавых убийц приговор, который они себе стократ заслужили. Люди, поднявшие оружие против лагеря любимых вождей пролетариата должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже привязан историей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата».

Вы помните, Радек, вы говорили тогда, что эти люди, такие люди должны головою уплатить за свою вину? Радек писал: «Главный организатор этой банды—Троцкий уже привязан историей к позорному столбу, ему не миновать приговора мирового пролетариата». Это верно. Изменник как не миновать приговора мирового пролетариата, как не миновать и приговора нашего советского суда, суда великого социалистического государства рабочих и крестьян!

А Пятаков? Пятаков тоже выступает в печати по поводу разоблачения бандитско-террористического об'единенного троцкистско-зиновьевского центра. Пятаков ревет и мечет по поводу «полной контрреволюционной деятельности, деятельности окутанной, как он писал, несмываемым смрадом двурушничества, лжи и обмана. Что сделает Пятаков сейчас, чтобы ликвидировать свое собственное моральное падение, свой собственный «смрад лжи, двурушничества и обмана»? Найдет ли Пятаков эти слова, а если найдет, то какая цена этим словам, кто этим словам поверит?

Пятаков писал:

«Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать как шакалов, заражающих чистый, бодрый воздух советской страны, шакалов опасных, могущих причинить смерть нашим вождям и уже причинивших смерть одному из самых лучших людей нашей страны—такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров».

Навзрыд плачет Пятаков над трупом убитого им Кирова. Рыдает. «Враг в нашей стране победившего социализма увертлив», — пишет Пятаков, смотрясь в зеркало. «Приспособливается к обстановке», — оправдывается Пятаков перед зеркалом. «Притворяется», — про себя думает Пятаков,—а можно и притворяюсь... «Лжет». Гм., — думает Пятаков, — как же не лгать в таком положении? «Заметает следы»..., «втирается в доверие»...

Вот что пишет Пятаков, заметая кровавые следы своих преступлений:

«Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчили этим бандитам делать свое черное дело». Утешительный трюк! Бдительности мало было у Пятакова! (Движение в зале). Вот в чем, оказывается, виноват Пятаков. Это опять-таки старый прием уголовных преступников. Когда человека обвиняют в грабеже с убийством, он признает себя виновным в грабеже. Когда человека обвиняют в краже со взломом, он признает себя виновным только в краже. Когда его обвиняют в краже, он признает себя, на худой конец, виновным только в хранении или в скупке краденого. Это старая тактика профессиональных преступников.

Пятаков писал: «Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду». Правда, хорошо. Спасибо органам НКВД, что они наконец разоблачили вот эту банду! (Смех в зале). «Хорошо, что ее можно уничтожить». Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить. «Честь и слава работникам НКВД». Вы ощущаете, подсудимый Пятаков!

О ком писал Пятаков 21 августа 1936 года? Пятаков писал о себе. Пятаков опередил неумолимый ход событий.

Программа антисоветского троцкистского центра

Об'единенный зиновьевско-троцкистский центр и его деятели упорно пытались доказывать, что у них никаких политических программных требований не было, что у них была одна только «голая жажда власти». Это неправда. Это была попытка обмануть общественное мнение. Не может быть борьбы за власть без какой-нибудь программы, без программы, которая должна формулировать цели, задачи, стремления, средства борьбы. Мы и тогда не верили тому, что не было у об'единенного троцкистско-зиновьевского террористического центра какой-нибудь программы.

Мы знали, что они ее упорно скрывают, и действительно: программа у них была, как была программа и у этого троцкистского террористического центра. Она сводилась к откровенному признанию необходимости капиталистической реставрации в СССР. Сокольников подтвердил, что по сути дела—это была старая антисоветская рютинская программа. И это верно. Сокольников говорил:

Что касается программных установок, то еще в 1932 году и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это—так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно это, общее всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.

«Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм—это самый организованный капитализм, он победит, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму».

Но как «сговориться». Захочет ли фашизм «сговориться»? Не предпочтет ли он действовать без всякого сговора, так, как он действует везде, во всем мире — нахрапом, наваливаясь, грабя и уничтожая слабых? Радек говорил, что, ясно,

«хозяином положения будет фашизм—германский фашизм, с одной стороны, и военный фашизм одной дальневосточной страны, с другой».

Это, конечно, понимал не хуже их и их учитель Троцкий, это понимал весь троцкистский центр. На это они шли с открытыми глазами. Это составляло второй пункт их «замечательной» программы.

Третий пункт — вопрос о войне и поражении СССР.

Четвертый — вопрос о последствиях поражения: отдача не только в концессию таких для империалистических государств промышленных предприятий, но и продажа в частную собственность важных экономических об'ектов, которые они наметили; это займы, о которых говорил Радек; это допущение иностранного капитала на те заводы, которые лишь формально останутся в руках советского государства.

Пятый пункт,—как они говорили, аграрный вопрос. Этот аграрный вопрос очень просто решался у «параллельного» центра, точь-в-точь — как у Фашистов решался культурный вопрос — «взять книги все да сжечь». Так решался и у них аграрный вопрос: сжечь завоевания пролетарской революции — колхозы распустить, совхозы ликвидировать, тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины передать единоличникам. Для чего? Откровенно сказано: «Для возрождения нового кулацкого строя». «Нового» ли? Может быть, просто старого?

Шестой вопрос — это вопрос о демократии. Радек рассказывал, что ему писал по этому поводу Троцкий. Это очень важно нам знать, особенно теперь, когда наша страна достигла высочайшего развития пролетарской, социалистической демократии, выражением чего является недавно принятая и утвержденная нашим народом великая сталинская Конституция. Как о демократии ставился вопрос в троцкистской программе? Что говорит по вопросу о демократии К. Радек, получивший письмо от своего учителя?

«В письме Троцкий сказал (я цитирую показания Радека):

«Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 16 лет революции (теперь уже 19), и у него аппетит громадный...».

Это правильно. Такой громадный аппетит, что он скушает, как уже скушал не раз, любого своего врага.

«...А этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса».

А в деревне?

«В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию»...

Ну, вероятно, Радек продумал очень хорошо.

И, наконец, седьмой вопрос — программа внешней политики, раздел страны «Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии». Мы дальше интересовались, а как обстоит дело насчет каких-нибудь других экономических уступок?

Радек ответил: уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем—сначала он сказал без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившими странами их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Я спросил: о сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

— А насчет придунайских стран?

Радек: О придунайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вот семь основных вопросов этой, так называемой, программы центра.

Что означало и что означает эта программа для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для интересов советского народа?

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию советского социалистического строя.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главари антисоветского об'единенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главари «параллельного» центра — Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и др.

Как показывал Радек, Троцкий указывал, что «не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программных вопросов во весь рост. Испугаются...»

Но может быть все это выдумки? Может быть, они говорят о наличии этой программы так просто потому, что они хотят разыграть кочевую разгаявшихся трешников? Может быть, Троцкий никогда таких установок не давал?

Но, товарищи судьи, вы знаете, всем известно, что за границей Троцкий издает так называемый «Бюллетень оппозиции», и если вы возьмете номер 10, за апрель 1930 года, этого «Бюллетеня», вы увидите, что там напечатано по существу то же самое:

... «Отступление все равно неизбежно. Нужно совершить его как можно раньше...

... Приостановить «сплошную» коллективизацию...

... Прекратить принудительные скачки индустриализации. Пересмотреть в свете опыта вопрос о темпах...

... Отказаться от «идеалов» замкнутого хозяйства. Разработать новый хозяйственный план, рассчитанный на возможно широкое взаимодействие с мировым рынком...

... Совершить необходимое отступление, а затем стратегическое перевооружение...

... Без кризисов и борьбы из нынешних противоречий выйти нельзя...»

В 1933 году Л. Троцкий требовал:

а) роспуска большей части колхозов, как путых;

б) роспуска совхозов, как нерентабельных;

в) отказа от политики ликвидации кулачества;

г) возврата к концессионной политике и сдаче в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных.

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием, служила и основой соглашения троцкистов с иностранными агрессорами, которые зарятся на советскую землю. Предатели шли на все, даже на расчленение родной земли. Они пошли за самую черную измену, они пали ниже последнего дезертира или колчаковца. Последний дезертир или последний колчаковец выше этих предателей. Дезертиры, колчаковцы, милюковцы не падали так низко, как эти троцкистские гады, продавшие родину за 30 серебреников, да и то фальшивых, пытавшиеся отдать в кабалу иностранному капиталу нашу страну. Это—факты.

Мудрено ли, что подобная программа предательства отвергается нашим народом, что, если бы с этой программой пойти на наши фабрики, заводы, в колхозы, в наши красноармейские казармы, агитатора немедленно бы схватили и повесили на первых попавшихся воротах. И поделом, ибо, кроме виселицы, изменникам не может быть другого узла. Это — программа черной измены. Мы противопоставляем ей свою программу — программу советского правительства. Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, «не пофартило», и она к власти не пришла.

Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы.

Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина—Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически берется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли.

В одном великом порыве, неизвестном в прошлом истории царской России и ни в одном капиталистическом государстве, в порыве советского патриотизма героическими руками трудящихся СССР строится наше новое социалистическое отечество. Все народы нашей страны охвачены небывалым в истории энтузиазмом, творящим чудеса. Могуча любовь к нашей родине, к нашему отечеству!..

И вот перед вами, товарищи судьи, сидят люди, которые обманывали, развращали и с помощью иностранных штыков нашу страну в капиталистическое рабство. Об этих людях и им подобных писал в свое время Ленин, что это «вызывающие полное чувство негодования, презрения и омерзения полуи и хамы». Вот эти люди, эти полуи и хамы капитализма, пытались вонзить в грудь великое и святое чувство нашей национальной, нашей советской патриотической гордости, хотели надругаться над нашей свободой, над принесенными нашим народом за свою свободу жертвами, они изменили нашему народу, перешли на сторону врага, на сторону агрессоров и агентов капитализма. Гнев нашего народа уничтожит, испепелит изменников и сотрет их с лица земли...

Пораженческая позиция троцкистского центра—провокация войны

Как это установлено на предварительном судебном следствии, антисоветский троцкистский центр одним из пунктов своей программы имел установку на ускорение войны и поражение Союза ССР в этой войне. А через войну и поражение—приход к власти, захват власти и использование ее для капиталистической реставрации.

В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил о неизбежности войны в ближайшее же время. Мы здесь это проверили, насколько возможно. Называлась дата—1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном обстоятельстве, которое было вчера рассмотрено в закрытом заседании. Именно, в связи с установкой Троцкого и, очевидно, соответствующих компетентных в этом деле кругов в учреждении одного иностранного государства, с которым договаривался Троцкий, установка на 1937 год обусловливалась необходимостью ряда таких мероприятий, которые должны были бы действительно к этому времени подготовить неизбежность поражения СССР. Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробное об'яснение, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае наступления войны в 1937 году и, в частности, в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны. Они нам показали цифры, как глубоко и как чудовищно подо льды из глыб предательства нашей страны и руки врага. Они показали, как они своим планом готовили обезоружить в наиболее для нас важный и опасный в случае возникновения военных действий период времени—нашу Красную Армию, нашу страну, наш народ.

Теперь становится понятным, почему их планы были ориентированы к тому, чтобы именно в 1937 году поставить нас в тяжелое положение в области некоторых мероприятий оборонного значения.

Именно к 1937 году было подготовлено то чудовищное преступление, которое вчера было установлено в закрытом судебном заседании. Именно на 1937 год ставилась основная ставка на поражение.

Л. Троцкий и антисоветский троцкистский центр всячески, всеми доступными им средствами старались ускорить нападение агрессоров на СССР.

«Ускорить столкновение»—спровоцировать войну, подготовить поражение СССР—вот к чему сводилась программа троцкистского «центра» в области, так сказать, внешней политики.

Организация и совершение диверсий и вредительства

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из «центра» являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним об'яснил, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистской партии соглашения было обязательство

... «во время войны Германии против СССР... занять оборонческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения,... действовать по указанию Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Осуществляя взятые на себя таким образом обязательства, «изобретательный» или

(Окончание см. на 4-й стр.).